

сходно оценивал памятник в парижских лекциях Мицкевич: связь с народной поэзией, которую представляет Боян, привела к созданию единственной в своем роде поэмы. Карамзин интерпретировал образ Бояна с сентименталистских позиций, декабристы и Мицкевич — с позиций революционных. Не случайно Радищев, одна из жертв екатерининского террора, был первым, кто указал на народность содержания и формы «Слова», не случайно Пушкин, продолжая ту же традицию, связал народный патриотизм «Слова» с конкретной исторической ситуацией, как сделали после него Мицкевич и Маркс.

«Слово о полку», без сомнения, превысило все, что было известно прогрессивному фольклоризму в русской литературе конца XVIII в., сами разборы этого произведения разрушали эстетику классицизма. Еще раз напомним, что сборник повестей Чулкова (1766—1768) вышел на двадцать лет раньше, чем книга Музеуса, что сборником песен тот же Чулков на пять лет опередил Гердера, что уже в 1769 г. Курганов издал свой «Письмовник». Европейская фольклористическая струя слилась с русскими культурными течениями. Сogрудничество чешского музыканта Прача и Н. А. Львова предвосхитило те динамические межславянские связи, в результате которых фольклоризм стал важнейшим фактором в славянском возрождении.⁶

Взаимные отношения устного народного творчества, «низовой» письменности и «высокой» литературы в России XVIII в. не раз становились предметом исследования; однако еще рано делать окончательные выводы — это, впрочем, признает и сам П. Н. Берков. В настоящей статье я стремился подчеркнуть необходимость изучения этой темы с учетом славистической проблематики, а также важность идейно-эмоционального и социально-политического моментов.

⁶ Frank Wollman. Slovanství v jazykově literárním obrození u Slovanů, стр. 78 и сл.